

Владимир МИЛЕВСКИЙ

ПАПКИНЫ РУБЛИ

Р а с с к а з ы

Пальто

В крохотной хате Саньки Левковича уже с вечера было сильно натоплено, поэтому худенького мальчика Ваню сморило сразу после скучного ужина. Семья у Саньки большая, с хозяйкой Настей — аж шесть душ. Дети малы да еще меньше. Набегалась, налазилась пацанва. Отрывается на всю катушку, потому как в школу скоро. А так не хочется...

Вся деревня в курсе: школьная реформа в стране произошла, сломав былой учебный уклад. Ваниным братьям, сестрам — в начальную, местную школу-избу, теперь она до трех классов только. А Ване, самому старшему, — в четвертый! А это уже в соседнее незнакомое село, в среднюю, большую школу ехать.

Теперь, хорошо не жуя, быстро ужина нахватавшись, развалились где попало, сморенные цветными и черно-белыми снами. Загорелые до черноты, с цыпками, со сбитыми коленками, ссадинами, синяками — валяются, сопят.

Измученная мать, вернувшись с тяжелой колхозной работы и накормив худобоковую скотину, сама тощая, полуголодная, пытается нагулявшуюся свою ораву по местам разложить, как всегда, сначала сердечно упрасывая: «Сыночек, родненький! Иди на свою кровать ложись». Легонько тормозит. Ребенок что-то мычит, головой болтает, как не своей, во сне знакомому голосу радуется, не находя сил открыть глаза, подчиниться мамочкиной воле.

Санька во дворе по хозяйству еще лазит, что-то делает, недовольно бухтит, ругает какую-то нерадивую тупую скотину. Ему «поддакивает» старый кобель, ограниченно шляясь на цепи у разошедшей будки. Настя глубоко вздыхает, нежно, с любовью подсовывает худенькие свои ручки под ребенка. Поднимает и тихонько несет, попридержав свое дыхание. Мягонько укладывает на место. Тепленько целует в щечку, миленно любит, устало опускает плечи: «Спи, родненький... так набегался!»

Потом к другому плавно движется. «Петенька, сынок! Может, на свое место, золотко, ляжешь?» И так ко всем, кто не вынес насыщенной событиями дня.

Хатка старенькая, первобытная — без излишеств. В земельку давно вросла, ее еще первые переселенцы строили. Такой досталась Саньке с Настей, молодой тогда, бедной паре, от местной власти. Спят все в одной комнатенке. Кто на кроватях, кто на полу, кто на печи, по-всякому: кто валетом, кто головка к головке, носик к носику. Нет здесь ни ширм, ни перегородок, ни личного тайного пространства.

Давно потушена лампа-керосинка, жиденько светившая сквозь жирную сажу на стекле. Лежит на кровати Санька, дымит вонючей цигаркой, не может уснуть, потому как змеями заели многие приставучие мысли. Как дальше жить? Что делать? Как при таком «доходе» детей в школу собрать, не оборванцами отправить, перед людьми не опозориться...

В левый глаз ему светит желтый кривой месяц, улыбочиво проглядывая через худенькие веточки пахучей герани на подоконнике. Санька длинно вздыхает, тушит окурок и отворачивается к старшему сыну. Тот периодически вздрагивает, сонно брыкается, неразборчиво возмущается — видно, спорит... а может, удивляется... а может, на дерево лезет... возможно, на большую глубину ныряет...

Санька вздыхает, укрывая, утепляя сына, подтягивает выше самодельное лоскутное одеяло. Тот вроде успокаивается, с лица окончательно исчезает напряжение. Вновь болючие мысли камнем давят Санькину душу, его взгляд упирается в близкие старинные стены. Давно пора новый дом рубить. Да когда?.. Из колхозных лап не вырваться, где Санька без выходных годами спину гнет, с ранья до самой темени полезные нормы делает. Но все равно надо что-то творить... Ведь детки всё выше и выше к солнцу тянутся, по одному хотят спать, свежим воздухом дышать. Да еще этот желудок измучил... Давно пора в больницу ехать... А когда?.. Как времечко выкроить?..

На улице, слышно, носится ветер, колошматя густую спелую черемуху в палисаднике. Вечно недовольная соседская собака на кого-то тявкает. По полу мягко протопала молодая кошка к мисочке с вечерним молоком.

Деревенское утро. Ваня давно проснулся, сильно хочет в туалет, но в хате прохладно, холоден и скрипучий пол. Слышно, как во дворе еще кричит последний петух, воробьи на ветках в палисаднике устроили звонкие «разборки», волнуя кровь у охотницы кошки, застывшей на подоконнике перед отсыревшим стеклом.

Мальчик терпит, прислушивается к звукам, изредка поглядывая на ленивого старого кота в ногах младшего брата на печной лежанке. Переводит взгляд правее. В печной сушилке, на краю, покоятся изношенные вязаные теплые носки с уже протертыми пятками. Это мамыны... Нет, это папины.

«Настя-а! Насть!» — с улицы в окна хаты летит, четко доносится. Это бригадир на коне верхом подъехал, мамку зовет, чтобы до бессильной

усталости загрузить ее план-заданиями на день. Мама распахивает створки на улицу, в чистый воздух, местному начальнику-царьку откликается. А когда он уезжает, уходит с ведерком корову доить. Мальчик на цыпочках выбегает следом за ней.

Отец с печкой возится, вот-вот ее жарко растопит, раздухарит. А пока он кашляет, желто-бурыми кончиками пальцев притушивая крохотный окурочок. Что-то бухтит себе под нос, поглядывая на большой огород, на подгнивший столб забора, который надо на днях выкопать, а новый вкопать. Прибежав со двора, мальчик снова сигает под теплое одеяло, боясь разбудить брата.

Согревшись, начинает опять думать о чужой большой школе, о скорых холодах, о купленных новых тупоносых осенних ботинках, в которых он будет ходить и злой длинной зимой. Вспоминает и новенькую кроличью шапку, не забывает представить на себе и пальто, которого еще нет.

Ваня знает: мама уже ездила за пальто, но не смогла его купить, так как в очереди долго стояла; а когда дошла, то его размера уже не оказалось. Вдобавок на последний автобус опоздала, как и на обязательную дойку коров. За это ее при всех обидно ругал пузатый бригадир, отчего мама потом в красном уголке тихо плакала.

Дней-то до школы осталось... А у него есть только большеватый синий костюмчик, шапка да ботинки, правда, еще какая-то несуразная рубашка с большим воротником. Ваня, уткнувшись носом в подушку, еле слышно шмыгает соплями, сбивая о подушку крохотные капельки воды из глаз, вспоминая свой убогий вид перед размазанным, «плешивым» трельяжным зеркалом.

Там, в чужой школе, говорят, большие классы, там девочек много, а он будет в этом... Горько ноет тоненькое тельце. Не знает уже мальчик, как попросить мамку, чтобы обязательно купила пальто по размеру, а для этого — его, Ваню, с собой взяла для примерки.

Ваня не выдерживает терзаний, босиком плетется на кухню, к родителям. А там, оказывается, уже состоялся важный для него разговор.

— Сынок, слышь! Мы тут с мамкой твоей подумали... решили... Тебе же обязательно надо на холода пальто покупать.

Мальчик шмыгает носом, ближе жметесь к поддувалу, к играющим в щелках огням. Вытирает мокрые глаза, чуть веселеет мордашкой, взглядом:

— Ну-у!

— Ты ж знаешь, завтра подходит очередь нашего двора пасти коров.

Санька вновь закуривает, пуская дым в дымоход, кряхтит, никак не решаясь объявить окончательный вердикт родителей.

— Мне, сынок, надо в больницу! От, Вань... хотим завтра с мамкой съездить в район. Постараемся найти заодно для тебя добротное пальтишко.

— Опять не меривши! — Мальчик сует нос ближе к печке, к жару, печальными глазами выглядывая пылающие угольки.

Разговор перебивает страдающая мать:

— Ну, Вань... я ж размерчик твой-то знаю. Надо до морозов куплять... потом вообще не найдем.

— Ага! Знашь!.. Костюм уже купила... — совсем сникает мальчик, уже представляя, какое пальто купят без примерки.

Ваня воровато тянет со сковороды поджаренный, с корочкой (как умеет только его мама) большой блин, сразу пихая его в рот.

— Да подожди ж ты, сыночек, сейчас все встанут, и позавтракаете, — говорит мать, а сама подает ему кружку со свежим молоком, накручивая на вилку второй блин — душистый, теплый, с запахом маминых сухих, мозолистых ладоней.

— Ну, што ты молчишь, говори! — сурово обращается Настя к задумчивому мужу, впихивая ухватом в открытые конфорки большие чугуники с варевом на день.

Тот кряхтит, мнетя, хмуро поглядывая в пасть чумазой печи. Стряхнув пепел в ладошку, решается, говорит:

— Ты пацан уже большой, от... Коня хорошо знашь, от... лес увесь излазил. — Противная пауза. — Сможешь завтра за меня отпастить?

Хата замирает в легком недоумении, как и Ваня, моргающий испуганными глазенками.

— Я-а... пастить... по-взрослому... в тайге? — В глазах клубится туман неуверенности.

— А што, разве не сможешь? Ты жа ужа взрослый — одиннадцать скоро.

Ваня хорошо видит худенькое лицо матери. Она явно переживает, прячет от сына глаза, в них совсем нет ни капелечки уверенности, что правильно поступают с сыном. Настя, чтобы спастись от большой для нее минуты, вздыхая, исчезает из кухни, идет остальных поднимать на завтрак. Ваня, дожевывая очередной блин, смотрит в окно, на черную стену дремучей тайги, оживляя в памяти ее особые приметы, овраги, поля, дороги, где обычно гоняют скот деревенские. Где он, бывало, из любопытства хаживал, что-то из дикоросов подьедал.

— Ну-у... я... я не знаю... а удруг я много коров подрастеряю... в лесу заблужусь... што тоды люди скажут?

А сам тотчас красочно представляет новое, пахнущее нафталином черное пальто с цигейковым воротником. Которое так сильно хочется занять. Как уже обрыдло ходить в фуфайке, от которой всегда стынет шея и в которой стыдно появляться перед незнакомыми красивыми девочками.

Ваня хорошо помнит, как с пацанами когда-то лазили на кузнице. Там случайно и услышал пьяный разговор «ссылного», который, сёрбая черный чифирь, матерно рассказывал колхознику, что эти телогрейки на зонах шьют, пачками строчат, какой-то дикий план стра-не дают.

— Не переживай, Вань! В «угол» загонишь, за горелым оврагом будешь держаться правее и правее... два поля перемахнешь... и мелкий сонник будешь держать всегда справа... А там... часа через три упруешься в сосновый угол, в ручей, в самое болото. Там ще толстые сосны высокие и лохматые стоят... Там костер разведешь... Коровы привычно полежат, отдохнут, и ты перекусишь, красотой дремучей полюбишься. А потом — обратно... уже кругом, не переваливая через сухие болота. И, сынок, ще: всегда смотри за солнцем! Туды будешь гнать, оно должно будет плавать по небу по левую руку. Смотри... а назад уже — светить должно в шею и левое плечо...

Мальчик стоит, слушает и, конечно, переживает — растерянный, жалкий, — нисколечко не запоминая советов отца.

— А мазь от слепней и оводов ешь?

— Все! И мазь ешь, и часы мама свои маленькие даст без ремешка. Смотри не урони! У траву полетят с коня, тады, считай, пропали!

В доме телевизора нет, и радиоточка не работает — на линии порыв. Семья не знает, что за погода будет завтра. Живут, читая природные приметы, доверяя своему опыту, естественно — часто ошибаясь.

Солнце только-только ярким коlobком из-за дремучего леса выкатилось, напуская долгожданного света и тепла на небольшую деревеньку, а по полусонной еще улице уже полетели крики-команды, зазывающие в общее стадо деревенских коров.

Удивляются селяне необычному голосовому звуку. «А нешто малец один будет такое стадо по тайге водить?» — высовывает нос очередная хозяйка двора, изучая тельце на батькином коне. Скептически, а больше жалостливо поглядывает на пастуха, уже понимая, что порастеряет тот кормилиц.

Спрашивают, недоумевают, почему такое случилось? А Ваня, понукая смиренного коника, рогатых животных удерживая «в рамках», с гординой в голосе перекрикивает просыпающуюся улицу:

— Мне мамка с папкой за пальтом поехали у раён!

— Ну, ты уж, сынок, смотри повнимательней! Знай: Машкина корова больно дурная — любит хитренько отстать, и телка Самохи с придурью. Может повести на черные болота. Што яё, заразу, усё туды тянеть! — очередная сердобольная хозяйка делится своевременной информацией, прикрывая рот платочком; мысленно несколько раз крестит ребенка, жалея, как своего.

Только на самом выезде из деревни крикнула вслед полная баба Зося, взмахом руки отгоняя чужих наглых свиной от своей калитки:

— А штой-то тебе батька с маткой плащ не дали, вроде обещають дошь!

Да Ваньке уже не было слышно — за своими криками, за гырканьем первого проснувшегося гусеничного трактора рядом.

Чувствуют коровы грядущие перемены, быстро идут, расплзаясь по сторонам, стараются больше ухватить травы. Мечется Ванька, бесконечно

дергая поводья, мучая коня, с одной целью — лишь бы стадо удержать в поле зрения. Как папка учил, поглядывает ввысь, выдерживая золотистое тепленькое солнце в нужной стороне.

Только к брошенным полям поднялись, на посохшие уже травы прибыли, как кругом похмурнело, все больше и больше напускает на крышу неба мрачности и густых туч. Быстро заволокло, натянуло. Крутит головой пацан, а солнце уже хитренько исчезло. Он на мамины часики без ремешка, со сломанной дужкой посматривает, боясь их выронить из рук в траву. Пытается понять, вспомнить, где находится.

Высосал дух лесной весь воздух из леса, в верха нагнал уже тяжелые свинцовые тучи, где воды скопилось — оё-ёй! А оводы и слепни, чувствуя, что сейчас «вжарит-ливанет», просто озверели! Перед лицом носятся, нервы портят, за шиворот лезут, кусают, кусками кожу выедавая. И до одного места им мазь, отцовы успокоительные заверенья.

Безжалостно разошлась похолодевшая погода, будто проверяя Ваньку и его покорного коня на нервы! А коровы точно сдурели: на ходу хватая траву, несутся куда-то! А куда — Ваня и не знает! В этих местах он точно никогда не был! И солнце, как назло, окончательно черным замазало, где-то далеко-далеко чужим людям светит, путь указывает.

Кричит малец, то вправо, то влево по перепуганной тайге мечется, кнутом пытаясь с лошастью, с ситуацией, с дойными буренками справиться.

Для приличия отгромыхало небо, указывая землянам — сибирякам, колхозникам, что точен был прогноз Гидрометцентра, что это надолго! Отбурчало поднебесье, следом пустив более сильный, игривый ветер. Пронесся он по верхам, по макушкам, как бы все живое предупреждая: «Ну, держитесь!»

Брызнуло-ливануло — без разведки, сразу стеной да крупными каплями! Шумит, стучит, глумится радостная небесная вода, встретившись с землей. Листва трясется, конь сник, приуныл, потухшим идет, чувствуя на себе потяжелевшего седока. У мальчика и фуфайка ватная намокла, и всё под ней.

За шиворот потекло, поплыло, прогнав окончательно летучих кровопийц. Сырое молчаливое стадо, не отвлекаясь на траву, упорно держит свой курс! А куда?.. Промокший Ваня и не знает, чувствуя, как противно стынет тело, исчезают последние кусочки радости жизни.

Конь, явно расстроенный, отрешенным шагом бредет по густому лесу, подставляя Ванькину головенку под ветви, секущие по глазам, по лицу. Пастушок интуитивно понимает: надо взять правее! Но как?.. Коровы совсем от рук, от бича отбились! Куда-то неуправляемой массой ломятся, а мальчику хоть плачь, хоть реви: как сладить с такой живой стихией в неполные одиннадцать лет?

— Куды, сучка, пошла, куды назад полезла?! — орет, будто стонет, Ваня, не зная, как сладить с телкой тети Маши. «Ох, какая противная, все нервы уже истрепаала!» — негодует про себя совсем потерявшийся в темной тайге пацан, то и дело поглядывая на мамины часики, так медленно идущие вперед.

А дождь, косой, холодный, густой, все глумится и глумится над живыми существами. Сжавшимся комочком прилип к седлу Ваня-пастушок, следуя за упорным стадом, полностью отдавшись его воле, боясь шевельнуться, только успевая сглатывать холодную воду.

Чуть просветлело в душе. От внезапного вида, от вроде знакомых редких сосенок у низины, на краю коварно-топкой болотины; от величественных исполинских деревьев, расступающихся перед ним, перед его молчаливым стадом. «Ах! Ну и умницы буренки! Вывели прямо в “угол”».

Только не хочет скотинка лежать. Под густые кроны стала, застыла, жвачку жует, о своей жизни, не моргая, думает... а может, и о пастушке — его, возможно, жалея.

Но как перекусить?.. В желудке давно возмущения, просьбы, мольба. Ваня привязал коня, железные ненавистные удила из его рта вынул, попросил травы «поскубсти», покушать! Но тот как будто его не слышит, от воды темным, холодным, безучастным стоит. Опустив голову, смотрит в одну точку захлебывающейся земли. Пастушок надирает травы, сует коню, просит:

— Ну, на, пожуй, поешь, пожалуйста, а?

Лошадка, подумав, скучно глянула на мальчика, начала медленно двигать мокрыми губами. Жует.

В толстой сосне, в стволе, выжженное черное местечко — от пожара, — этакое спасительное дупло! В него вмещается Ваня-пастушок вместе со своим нехитрым «пайком». Достает бутылку молока, вырывает зубами бумажную пробку. Пальцы замерзли, стынют, силы не имеют. Достает желтое прошлогоднее сало, яйца, огурцы, лук, хлеб — начинает жевать. Так хочется костер развести, до косточек согреться, да разве разведешь?! Тяжелая фуфайка пропитана холодом, водой, как и все остальное.

Кое-как насытился, в комок сжался, дождавшись первой дрожи, трясушки. И конь с понурой головой застыл под сосной, в печали о чем-то смиренно думает, никуда не идет, травку не ест, на все в этой тягловой жизни согласный.

А небо без прояснения, вот уже пять часов льет дождь, все на свете вымочив, в округе все живое спрятав и успокоив. Не успел Ваня остатки молока из горлышка допить, как коровки, словно по чьей-то команде с неба, быстро снялись с места и потянулись по знакомому им пути вдоль болота.

Трудно, с надрывом тянутся минутки на крохотных часиках. Скорей бы домой, к горячей печке, к маминому вкусно пахнущему ужину, к чаю с душицей! А главное — к новенькому, с этикеточкой, пальто, которое обязательно должны привезти! И конечно, по размеру — рукав по ручке, плечо в плечо, и желательно с толстым воротником, мягоньким и теплым, как кошка, чтобы шейка никогда не стыла.

А вот и знакомые поля, а вот и знакомый мосток! Но еще рано на путь конечный становиться, еще часок надо покружить, времечко

выждать, раньше установленного срока в деревню не заводить. Так его папа учил, так все в деревне делают, когда их очередь подходит.

Вывалились, вышли на чистое травяное поле добросовестные верные буренки, кроме тех двух, о которых хозяйюшки предупреждали. Об этом узнал Ваня, когда, в какой уже раз по головам считая стадо, заметил отсутствие вредных животных.

«Точно — это беда!.. Двух нет!.. Потерял — какой позор!.. Как папке скажу, что хозяйкам отвечу?» — запереживал Ваня, не зная, как дальше быть. Слава Господу Богу — хоть успокоил к вечеру небо, окончательно обезводив похуевшие тучи.

«Что делать?.. Рыжая пропала!..» Никто не любит эту корову, как и ее вредную хозяйку. Начнет та по деревне языком молоть, всякое на пастуха наговаривать. Ну и противная, вечно спешащая худая телка, ищущая приключений на свой обдристанный зад. «Хоть бы ее волки задрали!»

Ваня плетется в хвосте стада, видя, как цепочкой потянулись коровы в деревню, и понимая, что они никуда уже не свернут. Их хозяйки с подойниками уже ждут у своих калиток. Проводив последнюю взглядом, мальчик резко развернул коня и с рыси сразу вошел в галоп, посиневшими ручонками крепко уцепившись за батькино седло.

Несся в уже темнеющую тайгу, на лету у боженки выпрашивая: чтобы на обманчиво липкой грязи не завалить на бок коня, через голову с ним не полететь, насмерть не разбиться, на ходу глазами на суки и ветки не налететь. «Где жа их искать, паскудин этих?» — думал ребенок, чувствуя, как от встречного ветра холодело тело, стыла голова. Конь вынес пастушка, переживающего за свои нечаянные потери, к знакомым полям.

Вдруг в редком осиннике рыжий огонь боков мелькнул, мгновенно вернув мальчику капельку настроения. Подлетев, Ваня с ходу секанул бичом по спине вредной и глупой телки, выводя божью тварь на дорогу. По запаху, по памяти, по интуиции побежало домой глупое животное. «А где же вторая скотина?.. Как дальше быть?.. Где она, подлюка, лазит?..» Пастушок понимал: в самую таежную темь не было смысла соваться. И Ваня повернул домой. Его уже знобило.

Давно родители из районного центра приехали, ждут возвращения сына. Их корова давно пришла, как и соседские буренки. Переживает Настя, стоит на улице, в какой раз Саньку упрекая в поступке. «Пропал сын!» А самое страшное — целый день под холодным дождем мок в худой телогрейке.

Тихо плачет мать, прижавшись к углу палисадника. Высматривает уже темные дали, Бога просит сжалиться, в положение войти. Отец сидит под навесом, одну за одной сигарки дымно цедит, молча, — с болью, с упреком в душе борется.

Наконец не выдерживает Настя, кричит, вбегая во двор:

— Шо ж ты истуканом сидишь?! Хватай уздечку, на конюшню беги, седлай быстрого коня, несись галопом в тайгу. Ищи сына! Слышишь...

ищи сыночка! Он же весь мокрый! Зачем же ты плащ с седла отвязал, что ж ты натворил?

Встал, выпрямился измученный Санька, соглашаясь с заплаканной женой, еще не зная, как в таком уже густом мраке искать Ваню. Ни фонаря, ни ружья! Для сына взял сухую телогрейку, для себя папирос. Оглядевшись, молча потянулся со двора. За ним вышла Настя.

Вдруг из размытого, неясного ночного воздуха послышался топот копыт. Впереди замаячила темная точка, приближающаяся галопом.

Увидев сына, Настя, не поворачиваясь, крикнула мужу:

— Беги! Срочно топи баню!

Но еще до бани, до ужина жар набросился на мальчишку, ртутным столбиком потянувшись все выше и выше, окончательно свалил Ваню в теплую постель, испугав мать, тут же начавшую поить сына лекарствами. А он, уже с горящими легкими, старался по поведению, по глазам отца и матери понять, угадать, увидеть: повезло ли его родителям? Повезло ли ему?

— Ма-ам! Мам, — промокая языком сухие, потресканные губы, спросил мальчик, — а вы пальто мне купили?

И на его лице повисла зыбкая, такая хрупкая-хрупкая улыбка.

— Конечно! Конечно, сыночек! Счас принесу! Ладное такое... тепленькое.

Подавая пальто сыну в жаркие руки, дополнила:

— Последнее забрали! Очередь пока тую отстояли!.. Вот... примерь!

Он встал, — полный жара, воды, успокоения и счастья, — начал с любопытством примерять дорогую обновку, еще пахнущую городом, фабрикой, рукастыми добрыми мастерицами. Шею охватисто и приятно гладил цигейковый теплый воротник, правда, трудно застегивались большие пуговицы.

Пока мама помогала ему, мальчик рассказывал родителям, как он боролся с непогодой, с холодом, с деревенскими рогатыми животными. Пошевелит и о том, как потерял две головы, как потом их искал. Как одну нашел, а вторую уже не стал искать. А когда въехал в темную деревню, баба Зося успокоила пастушка, сообщив, что вторая, вредина, сама пришла сразу после стада.

Черной ночью на печи, сгорая от запредельной температуры, прячась под старым перьевым одеялом, обливаясь горячим потом, бредил, метался; вспоминая мокрый холодный лес, мамины маленькие часики, и еще обещанное теплое солнце, которое предало его.

Прыгало и скакало в бреду, в огненном мальчишеском сознании, просторное выгоревшее дупло, почему-то так приятно пахнущее новым его пальто с широким хлястиком, с таким ласковым воротником, благодаря которому никогда уже не будет стынуть шейка. Последним мелькнет тот черный прогар, где Ваня для маленьких лесных братьев подарком оставил остатки сала и большой ломоть серого хлеба.

Бессознательного Ваню уже под утро срочно отвезут на грузовой машине в соседнее село, в больницу, с двусторонним воспалением легких.

Не все врачи поверят, что он выкарабкается. А когда Господь Бог сжа- лится над ним, не отпуская от борющегося тельца его ангела-хранителя, Ваня откроет глаза, глянет на казенное окно и хрипловато спросит жен- щину в белом халате:

— Теть!.. А с-снег уже выпал?..

Сестра мгновенно преобразится, обрадуется, вскочив, кого-то позо- вет. Улыбнувшись, погладит его сухой лобик, ответит:

— Нет, Ванечка! Еще рано, детка! На Покров должен. А тебе что?

А он сразу вспомнит свою новенькую, такую ладную, размер в раз- мер, теплую обновку, которую уже так сильно хотелось надеть. Но не от- кроется, а только улыбочиво вздохнет и совсем даже не соврет, ответив:

— Да так... Просто люблю снежную зиму!

Папкины рубли

Крохотное здание автостанции опустело. Уже в темноту, в похоло- дание, последней сползла с покосившегося крыльца маленькая, сгорб- ленная старушка. В костлявой руке болтается грушевидного вида авось- ка. Там продуктов маленькая жменька. В другой руке — палка-клюка. Она через шаг упирается в землю для подпорки кривобокой, дряхлой хозяйки.

Кружит, колдует резкий осенний ветерок, гоня мертвую, замерзшую пыль по битой, ухабистой земле. Асфальту не один десяток лет. Здесь че- рез раз — яма, через два — уродливая выбоина, неровность. Завсегда та пассажир, водитель — все их знают наперечет.

Все автобусы разъехались по маршрутам. Последний «кавзик» остал- ся: стоит, попыхивает выхлопным дымком, а рядом водила — папироской. Народ в ожидании тепла мнется, хочет плюхнуться на свои законно ку- пленные места. Всем хочется скорее из чужого села уехать, домой, в род- ную деревню побыстрее попасть, успокоиться.

Свинцово-черная небесная высь над районом, над кучкой людей, над выцветшим кумачом большого плаката на стене. С него на простой, бед- ный люд белые буквы смотрят, просят, приказывают: семилетку досроч- но выполнить! Это XXI съезда единственно верное, далекое решение.

Вот-вот небо снегом первым разродится. Он пока любопытный, роб- ко падает: слегка ватный, крохотный, волшебный, неумолимо зиму и лег- кую грусть к земле приближая.

«Внимание! Автобус по маршруту Абан — Долгий Мост отправля- ется в 18 часов 30 минут...» — уставшим голосом пролаял динамик, спря- танный под фронтоном крыши.

— Папка! Пап! Наш автобус уже уезжает, пап! — плаксиво стонал мальчик рядом с сидящим на бревне мужиком.

Тот, сопя, изогнув свои сухие, посиневшие губы, весь расхлобыстан- ный, в новой фуфайке, в таких же кирзовых сапогах, в кепке набекрень, без перерыва уже какую минуту шарил по всем карманам.

Ладонь была широкая, с кривыми сухими пальцами, в шрамах и ссадинах. Она хваткая, юркая! Ну не могли последние деньги от нее в угол спрятаться, за короткий прорыв в кармане, за прокладку провалиться! Ну никак не могли!

— Папочка, ну вспомни?! Куда ты мог их положить? — умоляющим голосом спрашивал мальчонка, пытаясь то залезть отцу во все карманы пиджака и фуфайки, то под старую кепку худую ручку запустить.

— Не-е, сынок! Я там уже смотрел, я там всё уже вывернул, — сплевывая пьяную слюну, покачиваясь, отвечал ему жилистый отец.

— Сбегай, сынок! Еще раз посмотри, может, кто из нашей деревни появился? Наш-то обязательно займет, обязательно поможет...

Метнулся худенький малолетка в сторону, придерживая за спиной красивый новенький портфель-ранец, за которым и ездили в центральное село. Старый на днях совсем прохудился, дно порвалось, ручка вот-вот лопнет. Стыдно уже с таким в школу ходить.

Сбегал, постоял, покрутился, в темноте всматриваясь в человеческие чужие лица, в надежде увидеть хоть бабу Марусю, хоть дядю Колю. А вдруг говорливый толстый Пашка-бульдозер выскочит? Он часто сюда ездит по разным делам, и всегда торопится, и всегда почему-то опаздывает. Вся деревня об этом знает. Знает это и мальчуган, до последнего надеясь на его появление из незнакомого темного проулка.

— Нет там наших, пап, — печально сообщил сын. — Пойдем, папка, попросим дяденьку за рулем, с толстой тетенькой... с кошельком на боку. Они нас возьмут за так. Стоя доедем! Тетенька, она улыбается... она добрая. — Судорожно тормозит за плечо отца, в надежде сдернуть его с неподвижной точки, с нагретого места.

Крестьянин сидит, за левую сторону груди держится. Ему плохо. С того часу, как в районе случайно встретил земляка — боевого товарища, по японской еще. Он когда-то в ночном бою жизнь его спас от тесака обоюдоострого. По молодости виделись чаще. С годами засосал приставучий колхоз, да и каждодневная бытовуха слабину не дает; вот и десять лет уже минуло, как последний раз друг другу руки жали, грудью бились, сердечно обнимаясь. Там же, в орсовской шумной столовой, под котлетки с макаронками, под компот с сухофруктами и уговорили чекушечку, помянули товарищей, о лихой молодости потолковали, о нынешней несправедливой нищенской жизни поспорили.

После выпитого и волнительных воспоминаний так не в срок, подлече больно, снова прихватило. Хорошо помнил мужик, как рядом крутились малолетние проныры, на воровские делишки уже мастерски наученные. Они приезжих из глухих деревень быстро срисовывают своим хитрым глазом.

Помнил, что, несмотря на хмель, бултыхавшийся в голове, сообразил положить, от греха подальше, последние рубли туда, куда и не догадаться ворюгам залезть ни при каком ушлом раскладе в уже порченном их мозгу. Да контузия сволочная артачится, не дает припомнить, куда именно.

— Что, пап, опять прихватило? — В тревожном испуге смотрит мальчик на своего родителя, у которого периодически схватывает в груди. Мамка постоянно в больницу слезно просит его съездить — врачам сердце свое огромное показать! Помнит пацан все слова мамы: ведь за столом шестеро ртов сидят, о них он должен думать, кто поднимать будет, если что?

Суров отец. Некогда ему по больничкам хаживать, каблуки сбивать, нервы всем портить. Работа нудная, колхозная и дворовая, продыху совсем не дает. На нее, эту жизнь вертлявую, вся надежда у отца. Ведь движение — это жизнь! Может, к старости-то и без лекарей — рассосется, притерпится. Так любит отшучиваться отец — перед мамкой, перед потомками, перед судьбой.

— Как не в жилу придавила! Как не в жилу, стерва! Прямо в дороге, надо же, а?.. — сипели посиневшие губы мужика, требующие поскорее влаги, чистенькой воды. Он встал и, шатаясь, пошел к станции. Он знает: там, на входе, бачок с водой стоит, с кружкой на крепкой цёпке. Она гремичая, кольцеобразная, необходимая — так сказать, для полной гарантии, чтобы черпак не слындил, не сперли, не уволокли. Да дверь уже закрыта. Диспетчер у автобуса важно, со значением крутится, на последнюю отправку автобус настраивая.

Скрипуче открылся старенький автобус. По одному деревенских людишек заглатывает. Билетики диспетчерша накрашенными пальцами лихо половинит, под строгий окрик, указание.

Одиноко светит лампочка на кривом столбе, вытянутые тени еле заметно землю качают. Ветер успокоился, притих. Снег валит всюю, уже большими лохмотьями, густо, хозяином.

— Пап! Папочка! Сходи!.. Попроси, пожалуйста!.. Они хорошие — довезут!..

Мужик трудно встает, кряхтит, на все пуговицы застегивается. И, пьяно шатаясь, идет прямо к добрым людям. С мягким сердцем заговорил. Хоть и давило в груди больно, но улыбку не снимал с лица, излагая свою стыдную просьбу.

Первой облаяла «добрая тетенька».

— Стыдность всю потеряли! Совесть всю пропивши!.. Сына хоть бы за собой не таскали в такую даль! На билет рубликов нема, а на горькую всегда находится. Пьяница! — при народе, незаслуженно, оскорбительно прогундосила толстая, поглядывая на простолюдина через форточку.

Народ по-разному зароптал. Водитель вроде мужик добрый оказался, хотел в защиту рот открыть, да этого не видно было безденежному человеку.

Тот на все был согласен, что эта женщина «при исполнении» говорила. Только зря трудягу, колхозного пахаря, беспробудным пьяницей обозвала. Не был он им никогда! Ему некогда им быть при шестерых невинных душах. Они с надеждой на него смотрят каждое утро и вечером, усталого, с работы встречают, радуясь полному сбору, уютному семейному гнезду.

«Зря ты, бесстыжая, бессердечная морда, меня за живое задела... Ох, как зря!..» Что-то горячее запекло в груди трудяги. Подхлынула горькая обида к горлу — поперек стала! По привычке кулаки на оскорбление зачесались.

А потом, изнутри, искрометно рвануло: отборной, фигуристой речью плеснуло!.. При всех! Та, толстая, краснела и багровела! Сначала глазами — на полный выкат. Потом — заплывшими щеками и мясистой, увешанной гирляндами крохотных папиллом-бородавок шеей.

Умчался обиженный «кавзик». Тишь и немота вокруг автостанции. Только где-то на соседней улице собаки глухим лаем дразнят друг дружку, без умолку брешут, переговариваются. На краю селения чья-то королева промывчала — видно, просит к себе хозяйку с подойником, или сена хочет, или от жуткой тоски.

Слегка покосившаяся дверь станции уже закрыта на поперечную металлическую перекладину и замок навесной, старинный — как знак незыблемого распорядка дня, расписания.

От первого снежного привета с неба благолепно светло стало вокруг. Он словно в мир сказки окунул этот убогий уголок земли и страдающего мальчишку. Снег еще робкий: он знает, что земля пока теплая, два-три дня пройдет — обратит его в талую воду и выпьет.

Снежинок воздушные лохмотья, их мириады, — это первые посланцы зимы, всем долгожданный подарок с неба, успокоение, радость. Смотрит на снег пацаненок и маленькими ладошками трепетно берет, к губам подносит, нюхает, лижет. От обиды в глазах плавают тихие слезы, стекают по щекам. Подальше от забора, подальше от отца, чтобы тот их не видел.

Прижавшись спиной к доскам, сидит колхозник. Лицо его застыло камнем, глаза закрыты, рот страдальчески искривлен, зубы сжаты.

— Сынок! Наб-бери... пожалуйста, мне чистого-чистого снега... поддай... больно уж пить сильно хоч... — еле слышно сипит отец. — Только не с земли... с верхних бревен, легоньконими.

Мальчик сопливо шмыгает носом, взбивает худенькой рукой лохмотую свою шапчонку, идет к горке толстых сосновых бревен, останавливается. Смотрит на белое чудо, вытирает ладошкой мокрые глаза и аккуратненько снимает ватный снег — боясь, чтобы не попала соринка, пожухший листочек, грязь в папкин рот.

Чужая большая грузовая машина скрипит тормозами, резко останавливаясь рядом с автостанцией. Бежит к дверям водитель — беловолосый ладный парень, в свитере под самое горло, в сапогах под самое колено. Подбегает, смотрит на крепкий замок, на потухшие окна, в печали раздувает раскрасневшиеся ноздри, мрачнеет его доброе лицо.

— Блин, опоздал! — ругается расстроенный шофер, возвращаясь за руль старенького «зилка». Бредет мимо пацаненка назад. Останавливается, заметив его странную одинокость. Видит мокрые глаза, боль, обиду, застывшую в глубине их, белый снег в руках, спрашивает. Мальчик все ему рассказывает.

Парень делает три шага к машине, вдруг тормозит себя; что-то думает, крутит по сторонам головой, смотрит на свои наручные часы и громко вздыхает:

— Эх, была не была!

Что-то бубнит свое, словно перед кем-то оправдываясь, спорит. Решительно машет рукой, словно саблей разрубая густой, темный воздух, чьи-то ожидания, надежды. Разворачивается и быстро идет к человеку у забора.

Из ворот больницы выехали уже в ночь. Машина набирает скорость на дороге в далекую, глухую деревню. «Зилку» и его водителю вообще-то совсем в другую сторону надо. Но техника все равно весело крутит свои колеса в чужой край.

В кабине сидят трое. Повеселевший, порозовевший лицом мужик что-то интересное рассказывает водителю. Тот смеется. Сам шутит, свое рассказывая. Сынишка, прижавшись к отцу, уже в дремоте слышит, как тот обещает молодому главе семьи, только счастливо женившемуся, по весне поросят задаром.

Шофер только начинает жить, своим домом и скотиной обзаведясь. Он недавно из армии пришел, в землю с корнями глубоко хочет врасти, по-хозяйски, надежно, с любовью устроиться, детей народить, быть полезным стране. Ему любая помощь со стороны сейчас за счастье будет.

Засыпает ребяенок. По размытой интонации голоса, под гул работающего двигателя, чувствует сердечное отцово желание, чтобы в доме его спасителя всегда процветало взаимопонимание, доверие и любовь.

Мчится, мелькает среди темной спящей тайги одинокая машина. На ямах подпрыгивает, гремит бортами, длинными лучами желто-золотого света по щербатым макушкам деревьев ослепительно постреливает. В кабине тепло и спокойно троим, а больше всех хорошо спящему школьнику. Он маленькими пальчиками цепко держит свой новенький портфель, внутри которого лежат утерянные папкины рубли.

